

Рождественский рассказ. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Рождественский рассказ. Владимир Владимирович Набоков

Наступило молчанье. Антон Голый, безжалостно освещенный лампой, молодой, толстолицый, в косоворотке под черным пиджаком, напряженно потупясь, стал собирать листы рукописи, которые он во время чтения откладывал, как попало. Его пестун, критик из "Красной Яви", смотрел в пол, хлопая себя по карманам в поисках спичек. Писатель Новодворцев молчал тоже, но его молчание было другое, - маститое. В крупном пенсне, чрезвычайно лобастый, с двумя полосками редких темных волос, натянутых поперек лысины, и с сединой на подстриженных висках, он сидел прикрыв глаза, словно продолжал слушать, скрестив толстые ноги, защемив руку между коленом одной ноги и подколенной косточкой другой. Уже не в первый раз к нему приводили вот таких угрюмых истовых сочинителей из крестьян. И уже не в первый раз ему брезжил в их неопытных повестях ответ - до сих пор критикой не отмеченный - его собственного двадцатипятилетнего творчества; ибо в рассказе Голого неловко повторялась его же тема, тема его повести "Грань", написанной с волнением и надеждой, напечатанной в прошлом году и ничего не прибавившей к его прочной, но тусклой славе.

Критик закурил. Голый, не поднимая глаз, совал рукопись в портфель, - но хозяин продолжал молчать, - не потому, что не знал, как оценить рассказ, а потому, что робко и тоскливо ждал, что критик, быть может, скажет те слова, которые ему, Новодворцеву, неудобно сказать: тема, мол, взята новодворцевская, Новодворцевым внушен этот образ молчаливого, бескорыстно преданного своему делу рабочего, который не образованием, а какой-то нутряной, спокойной мощью одерживает психологическую победу над злобным интеллигентом. Но критик, сгорбившись на краю кожаного дивана, как большая печальная птица, - безнадежно молчал.

Тогда Новодворцев, поняв, что и нынче желанных слов не услышит, и стараясь сосредоточить мысль на том, что все-таки к нему, а не к Неверову привели начинающего писателя на суд, переменял положение ног, подсунул другую руку и, деловито сказав "так-с", глядя на жилу, вздувшуюся у Голого на лбу, стал тихо и гладко говорить. Он говорил, что рассказ крепко сделан, что чувствуется сила коллектива в том месте, где мужики на свои деньги начинают строить школу, что в описании любви Петра к Анюте есть какие-то промахи слога, но слышится зов весны, зов здоровой похоти - и все время, пока он говорил, ему почему-то вспоминалось, как недавно он послал тому же критику письмо, в котором напоминал, что в январе исполняется двадцать пять лет его писательской деятельности, но что он убедительно просит никаких чествований не устраивать, ввиду того, что еще продолжают для Союза годы интенсивной работы... "А вот интеллигент у вас не удался, - говорил он. - Не чувствуется настоящей обреченности..." Но критик молчал. Это был костлявый, расхлябанный, рыжий человек, страдающий, по слухам, чахоткой, но на са-мом деле, вероятно, здоровый как бык. Он ответил, письмом же, что одобряет такое решение, и на этом дело и кончилось. Должно быть, в виде тайной компенсации привел Голого... И Новодворцеву стало вдруг так грустно, - не обидно, а просто грустно, - что он осекся и начал платком протирать стекла, и глаза у него оказались совсем добрыми. Критик встал. "Куда же вы, еще рано..." - сказал Новодворцев, но встал тоже. Антон Голый кашлянул и прижал портфель к боку.

"Писатель из него выйдет, это так", - равнодушно сказал критик, блуждая по комнате и тыкая в воздухе потухшей папиросой. Напевая вполголоса, сквозь зубы, с зыкающим звуком, он повис над письменным столом, затем постоял у этажерки, где добротный "Капитал" жил между потрепанным Леонидом Андреевым и безымянной книгой без корешка; наконец, все той же склоняющейся походкой подошел к окну, отодвинул синюю штору.

"Заходите, заходите, - говорил Новодворцев Антону Голому, который отрывисто кланялся и потом браво расправлял плечи. - Вот напишите еще что-нибудь - принесите". "Масса снегу навалило, - сказал критик, отпустив штору. - Сегодня, кстати, сочельник".

Он стал вяло искать пальто и шапку. "Во время оно, в сей день, ваша братия строчила рождественские фельетончики..."

"Со мной не случилось", - сказал Новодворцев. Критик усмехнулся. "Напрасно. Вот

Рождественский рассказ. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
бы написал рождественский рассказ. По-новому".

Антон Голый кашлянул в кулак. "А у нас", - начал он хриплым басом и опять прочистил горло.

"Я серьезно говорю, - продолжал критик, влезая в пальто. - Можно очень ловко построить. Спасибо... Уже".

"А у нас, - сказал Антон Голый, - был такой случай. Учитель, вздумал на праздниках ребятам елку. Устроить. Нацепил сверху. Красную звезду".

"Нет, это не совсем годится, - сказал критик. - В рассказике это выйдет грубовато. Можно острее поставить. Борьба двух миров. Все это на фоне снега".

"Вообще с символами нужно осторожнее обращаться, - хмуро сказал Новодворцев. - Вот у меня есть сосед - препорядочный человек. А все-таки так выражается: "Голгофа пролетариата"..."

Когда гости ушли, он сел к письменному столу, подпер ухо толстой белой рукой. Около чернильницы стояло нечто вроде квадратного стакана с тремя вставками, воткнутыми в синюю стеклянную икру. Этой вещи было лет десять, пятнадцать, - она прошла через все бури, миры вокруг нее растряхивались, - но ни одна стеклянная дробинка не потерялась. Он выбрал перо, придвинул лист бумаги, подложил еще несколько листов, чтобы было пухлее писать...

"Но о чем?" - громко сказал Новодворцев и ляжкой отодвинул стул, зашагал по комнате. В левом ухе нестерпимо звенело.

"А ведь этот скот нарочно сказал", - подумал он, и, словно проделывая в свой черед недавний путь критика по комнате, пошел к окну.

"Советует... Издевательский тон... Вероятно, думает, что оригинальности у меня больше нет... Вот закачу в самом деле рождественский рассказ... Потом будет сам вспоминать, печатно: захожу я к нему однажды и так, между прочим, говорю: "Изобразили бы вы, Дмитрий Дмитриевич, борьбу старого и нового на фоне рождественского, в кавычках, снега. Продолжали бы до конца ту линию, которую вы так замечательно провели в "Грани", - помните сон Туманова? Вот эту линию... Ив эту ночь родилось то произведение, которое...".

Окно выходило во двор. Луны не было видно... нет, впрочем, вон там сияние из-за темной трубы. Во дворе были сложены дрова, покрытые светящимся ковром снега. В одном окне горел зеленый колпак лампы, кто-то работал у стола; как бисер, блестяли счеты. С края крыши вдруг упали, совершенно беззвучно, несколько снежных комьев. И опять - оцепенение.

Он почувствовал ту щекочущую пустоту, которая всегда у него сопровождала желание писать. В этой пустоте что-то принимало образ, росло. Рождество, новое, особое. Этот старый снег и новый конфликт...

За стеной он услышал осторожный стук шагов. Это вернулся к себе сосед, скромный, вежливый, - коммунист до мозга костей. С чувством беспредельного упоения, сладкого ожидания, Новодворцев снова присел к столу. Настроение, краски зреющего произведения уже были. Оставалось только создать остов - тему. Елка - вот с чего следовало начать. Он подумал о том, что, вероятно, в некоторых домах бывшие люди, запуганные, злобные, обреченные (он их представил себе так ясно...) украшают бумажками тайно срубленную в лесу елку. Этой мишуры теперь негде купить, елок не сваливают больше под тенью Исакия...

Мягкий, словно в суконце обернутый стук. Дверь открылась на вершок. Деликатно, не просовывая головы, сосед сказал:

"Попрошу у вас перышко. Лучше тупое, если есть..." Новодворцев дал.

"Бладасте", - сказал сосед бесшумно затворил дверь. Этот незначительный перерыв как-то ослабил образ, который уже созрел. Он вспомнил, что в "Грани" Туманов жалеет о пышности прежних праздников. Плохо, если получится только повторение. Некстати пронеслось и другое воспоминание. Недавно, на одном вечере, какая-то дамочка сказала своему мужу: "Ты во многом очень похож на Туманова". Несколько

Рождественский рассказ. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru дней он был очень счастлив. А потом с этой дамочкой познакомился, и оказалось, что Туманов – жених ее сестры. И это был не первый обман. Критик один сказал ему, что напишет статью о "тумановщине". Что-то было бесконечно лестное в этом слове, начинающемся с маленькой буквы. Но критик уехал на Кавказ изучать грузинских поэтов. А все же бывало и приятное. Такой перечень, например: Горький, Новодворцев, Чириков...

В автобиографии, приложенной к полному собранию сочинений (шесть томов, с портретом), он описал, с каким трудом он, сын простых родителей, пробился в люди. На самом деле юность у него была счастливая. Хорошая такая бодрость, вера, успехи. Двадцать пять лет тому назад в толстом журнале появилась его первая повесть. Его любил Короленко. Он бывал арестован. Из-за него закрыли одну газету. Теперь его гражданские надежды сбылись. Среди молодых, среди новых он чувствовал себя легко, вольно. Новая жизнь была душе его впрок и в пору. Шесть томов. Его имя известно. Но тусклая слава, тусклая...

Он скользнул обратно к образу елки – и вдруг, ни с того ни с сего вспомнил гостиную в одном купеческом доме, большую книгу статей и стихов с золотым обрезом (в пользу голодающих), как-то связанную с этим домом, и елку в гостиной, и женщину, которую он тогда любил, и то, как все огни елки хрустальным дрожанием отражались в ее широко раскрытых глазах, когда она с высокой ветки срывала мандарин. Это было лет двадцать, а то и больше назад, – но как мелочи запоминаются.

С досадой отвернулся он от этого воспоминания, и опять, как всегда, вообразил убогие елки, которые, верно, сейчас украшают... Из этого не сделаешь рассказа, но, впрочем, можно обострить... Эмигранты плачут вокруг елки, напялили мундиры, пахнущие нафталином, смотрят на елку и плачут. Где-нибудь в Париже. Старый генерал вспоминает, как бил по зубам, и вырезает ангела из золотого картона... Он подумал о генерале, которого действительно знал, который действительно был теперь за границей, – и никак не мог представить его себе плачущим, коленопреклоненным перед елкой...

"Но я на верном пути", – вслух произнес Новодворцев, нетерпеливо преследуя какую-то ускользающую мысль. И что-то новое, неожиданное стало грезиться ему. Европейский город, сытые люди в шубах. Озаренная витрина. За стеклом огромная елка, обложенная по низу окороками; и на ветках дорогие фрукты. Символ довольствия. А перед витриной, на ледяном тротуаре...

И, с торжественным волнением, чувствуя, что он нашел нужное, единственное, – что напишет нечто изумительное, изобразит, как никто, столкновение двух классов, двух миров, он принялся писать. Он писал о дородной елке в бесстыдно освещенной витрине и о голодном рабочем, жертве локаута, который на елку смотрел суровым и тяжелым взглядом.

"Наглая елка", писал Новодворцев, "переливалась всеми огнями радуги".

Впервые рассказ был опубликован в газете "Руль" (Берлин) 25 декабря

1928 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!